Неосторожность / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Неосторожность / рассказ НЕОСТОРОЖНОСТЬ

До свадьбы они любили друг друга целомудренной небесной любовью. Все началось с очаровательной встречи на берегу океана. Ему показалась прелестной эта розовая девушка в светлых нарядах с яркими зонтиками – на фоне широкого морского горизонта. Он полюбил ее, белокурую и хрупкую, в обрамлении голубых волн и беспредельного неба. Нежность к этой едва расцветшей женщине сливалась у него с неопределенным, но сильным волнением, которое пробуждали в его сердце, душе и крови терпкий, соленый воздух, необъятный простор, солнце и море.
Она же полюбила его потому, что он ухаживал за ней, потому, что он был молод, достаточно богат, любезен и воспитан. Она полюбила его потому, что для девушек естественно любить молодых людей, которые говорят им нежные слова.
После этого они три месяца прожили бок о бок, не разнимая рук и глядя друг другу в глаза. Утреннее приветствие: «Добрый день», – которым они обменивались в прохладе начинающегося дня, перед купанием, и вечернее: «Спокойной ночи», – когда они прощались на песчаном пляже, под звездным небом, в теплом воздухе безмятежной ночи, – эти слова, произносимые чуть слышно, уже имели привкус поцелуев, хотя их губы еще не встречались ни разу.
Едва задремав, они видели друг друга во сне, а проснувшись, тотчас же вспоминали друг о друге; между ними еще ничего не было сказано, но каждый из них призывал и желал другого всей душой и всем телом.
После свадьбы они стали обожать друг друга уже по-земному. Сперва это было какое-то неутомимое чувственное исступление; затем оно сменилось восторженной нежностью, поэзией ласк более изощренных, милыми и вольными шалостями. Каждый их взгляд означал что-то нескромное, каждый жест напоминал о горячей

интимности ночей.
Теперь же, еще не признаваясь себе в этом и, может быть, еще не понимая этого, они почувствовали пресыщение. Правда, они любили по-прежнему, но уже не могли дать друг другу ничего нового, ничего не могли сделать, чего не делали уже много раз, ничему уже не могли научить друг друга, — ни новому ласкательному прозвищу, ни неизведанному наслаждению, ни какой-нибудь интонации, от которой стали бы пламеннее все знакомые, столько раз повторенные слова.
Однако они прилагали все усилия, чтобы снова разжечь ослабевшее пламя первых объятий. Они каждый день придумывали какие-нибудь любовные ухищрения, наивные или утонченные забавы, отчаянно пытаясь возродить в своих сердцах ненасытную страсть первых дней, а в крови — пылкость медового месяца.
Время от времени, подхлестывая таким образом желание, они вновь добивались искусственного подъема на час, но за этим обычно следовали усталость и отвращение.
Они прибегали и к лунному свету, и к прогулкам теплыми вечерами под сенью листвы, и к поэзии берегов, окутанных туманом, и к возбуждению народных праздников.
Как-то утром Анриетта сказала Полю:
— Не сведешь ли ты меня пообедать в кабачок?
— Хорошо, милочка.
— Но только в очень известный кабачок.
— Хорошо.
Он вопросительно смотрел на нее, видя, что она не хочет сказать все, что у нее на уме. Она продолжала:
— Знаешь, в такой кабачок… как бы тебе объяснить… в такой… кабачок… В кабачок, где назначают друг другу свидания.
Он улыбнулся:
— Ага, понимаю. В отдельный кабинет большого ресторана?
— Да, да! Но только такого ресторана, где тебя хорошо знают, где ты уже бывал, ужинал… нет… обедал… Словом, знаешь… словом… я хотела бы… Нет, не могу этого сказать.
— Скажи, милочка, мы ведь все можем говорить друг другу. Нам нечего таиться.
— Нет, не могу.

— Ну, не притворяйся невинностью, говори.
— Так вот… Так вот… я хотела бы… хотела бы, чтобы меня приняли за твою любовницу… и чтобы лакеи, которые не знают, что ты женился, тоже смотрели на меня, как на твою любовницу, и чтобы ты сам… ты сам тоже считал меня своей любовницей на этот час, в этом месте, где у тебя, наверно, немало воспоминаний… Вот!.. И я сама буду считать себя твоей любовницей… Я совершу большой грех… Я тебя обману… обману с тобой же… Вот!.. Это очень гадко… Но мне так хотелось бы… Не заставляй меня краснеть… Я чувствую, что краснею… Ты не можешь себе представить, как меня… меня… взволнует, если я пообедаю с тобой там, где это считается не совсем приличным… в отдельном кабинете, где предаются любви каждый вечер… каждый вечер… Это очень гадко… Я чувствую, что покраснела, как пион. Не смотри на меня.
Все это крайне позабавило его, и он ответил, смеясь:
— Хорошо, пойдем сегодня вечером в шикарный ресторан, где меня знают.

Около семи часов они поднимались по лестнице большого кафе на Бульварах. Он торжествующе улыбался, а она пряталась под вуалью в смущении и восторге. Как только они очутились в отдельном кабинете, обстановка которого состояла из четырех кресел и широкого дивана, обитого красным бархатом, к ним вошел метрдотель в черном фраке и подал меню. Поль протянул его жене.
— Что ты хочешь заказать?
— Но я не знаю, что здесь едят.
Сняв пальто и передавая его лакею, он просмотрел длинный список блюд и сказал:
— Меню изысканное: раковый суп, цыплята а ла диабль, заячье филе, омар по-американски, острый салат из овощей и десерт. Пить будем шампанское.
Метрдотель, улыбаясь, смотрел на молодую женщину.
Взяв обратно меню, он спросил:
— Легкого шампанского, господин Поль, или сухого?
— Самого сухого.
Анриетте было приятно слышать, что этот человек знает имя ее

мужа.
Они сели рядом на диван и принялись за еду.
В кабинете горело десять свечей, и огни их отражались в большом зеркале, которое было исцарапано множеством имен, написанных алмазом и затянувших прозрачное стекло как бы огромной паутиной.
Анриетта много пила, чтобы взвинтить себя, хотя уже после первых бокалов почувствовала опьянение. Разгоряченный воспоминаниями, Поль ежеминутно целовал руку жены. Его глаза блестели.
Она чувствовала себя странно взволнованной и немножко замаранной в этом подозрительном месте, хотя и была возбуждена, довольна и вся трепетала. Два лакея, важные, безмолвные, привыкшие все видеть и все забывать, входить только в случае необходимости и выходить в моменты излияний чувств, подавали быстро и бесшумно.
К середине обеда Анриетта была пьяна, совершенно пьяна, а Поль, тоже навеселе, изо всех сил жал ей колено. Осмелев, она теперь болтала без умолку, щеки ее раскраснелись, а глаза затуманились и горели.
— Слушай, Поль, признайся мне! Я хотела бы все знать!
— Что именно, милочка?
— Не могу сказать тебе.
— Скажи все-таки…
— У тебя были любовницы? До меня?.. Много?..
Он колебался, немного растерявшись и не зная, скрывать ли ему свои любовные приключения или, наоборот, похвастаться ими.
Она продолжала:
— О, пожалуйста, скажи, много их у тебя было?
— Да, было несколько.
— Сколько?
— Да не знаю… Разве их считают?
— Так ты их не считал?..
— Конечно, нет.
— О! Значит, их у тебя было много?
— Да, много.
— Ну, сколько же приблизительно?.. Хотя бы приблизительно.

— Да я совсем не знаю, милочка. Иногда бывало много, иногда меньше.
— Ну, а сколько в год? Ну, скажи!
— Иногда двадцать или тридцать, а иногда только четыре или пять.
— О! Значит, всего у тебя было больше ста женщин!
— Ну да, приблизительно.
— О! Какая мерзость!
— Почему мерзость?
— Да потому, что это мерзость, противно даже подумать… столько женщин… все голые… и всегда… всегда одно и то же… Нет, все-таки мерзость — иметь больше ста женщин!
Он был обижен тем, что она находила это мерзостью, и ответил снисходительным тоном мужчины, который дает понять женщине, что она говорит глупости:
— Странно ты рассуждаешь! Почему же мерзость — иметь сто женщин? Тогда, значит, мерзость — иметь и одну женщину.
— О, нет, совсем нет.
— Почему же нет?
— Потому что, когда у тебя одна женщина, это связь, это любовь, это настоящая близость. А сто женщин — это грязь, разврат! Я не понимаю, как может мужчина касаться всех этих девок, которые так грязны…
— Да нет же, они очень опрятные.
— Нельзя быть опрятной, занимаясь таким ремеслом.
— Как раз наоборот, именно из-за своего ремесла они и бывают опрятными.
— Фу! Подумать только, что накануне они проделывали то же самое с другими! Это отвратительно!
— Не более отвратительно, чем то, что ты пьешь из этого стакана, не зная, кто из него пил сегодня утром. Да еще будь уверена, что стакан этот вымыт гораздо хуже, чем…
— Замолчи! Ты меня возмущаешь…
— Тогда зачем же ты расспрашиваешь о моих любовницах?
— А скажи: все твои любовницы были публичными женщинами? Все?.. Все что?..
— Да нет же, нет…

— А кто же они были?
— Были актрисы… были… работницы… и несколько… светских женщин..
— Сколько же было светских женщин?
— Шесть.
— Только шесть?
— Да.
— Они были красивы?
— Конечно.
— Красивее, чем проститутки?
— Нет.
— А кого ты предпочитал: проституток или женщин из общества?
— Проституток.
— До чего ты гадок! Почему же проституток?
— Потому что вообще не люблю дилетантов.
— О, какой ужас! Знаешь, ты просто отвратителен! Скажи, пожалуйста, и тебе нравилось все время менять их?
— Конечно.
— Очень нравилось?
— Очень.
— Что же тут может нравиться? Разве они не похожи одна на другую?
— Нисколько.
— Как? Женщины не похожи одна на другую?
— Совершенно не похожи.
— Ни в чем?
— Ни в чем.
— Вот странно! Ну, а чем же они отличаются?
— Да всем.
— Телом?
— Ну да… и телом.
— Всем телом?
— Да.
— А еще чем?
— Ну… тем, как они… целуют, как разговаривают, как произносит любое слово.
— Так! Значит, это очень интересно — все время менять!

— Ну да.
— А мужчины тоже все разные?
— Этого я не знаю.
— Не знаешь?
— Нет.
— Они тоже, должны быть, разные.
— Да… Наверно…
Она сидела в задумчивости с бокалом шампанского в руке. Бокал был полон, она выпила его залпом, поставила на стол и, обвив шею мужа обеими руками, шепнула ему в самые губы:
— О милый, как я тебя люблю!..
Он порывисто сжал ее в объятиях… Входивший лакей попятился назад и закрыл дверь; минут пять им не подавали.
Когда вновь появился метрдотель, с важностью и достоинством неся фрукты, она уже опять держала в руках полный бокал и смотрела в прозрачную золотистую жидкость, словно хотела увидеть то неизвестное, что ей пригрезилось, и задумчиво говорила:
— О, да! Должно быть, это все же очень интересно!..

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 15 сентября 1885 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994
Перевод Н. Костовской. Hekaýalar